

СЕВЕРНАЯ ЗВЕЗДА

Анастасия
ЯКОВЛЕВА-ПОМОГАЕВА

(Украина, Одесса)

Мои
другие
страны

И откуда они только берутся, эти «мифы»? Сколько нужно времени, чтобы человеческая память, отбросив весь негативный опыт, оставила лишь легенду? Самую банальную, знакомую еще со времен Древнего мира «Легенду о золотом веке». Подозреваю, что двадцать лет – самый оптимальный срок, чтобы память успела дополнить картину реальности. Что-то забросить далеко на антресоли, что-то подлатать... Такой себе капремонт в музее обыденности. Приходят в музей посетители и видят: экспонаты хоть на выставку ВДНХ отправляй, а в самом зале ни сквозняка, ни плесени. Ну не было плесени лет двадцать назад, не было! Разве сами не помните?

Не могу понять только, откуда в двухтысячных появилась эта массовая ностальгия по восьмидесятым у тех, кто родился уже перед самым крахом Союза? Потому что Союз – часть нашего детства, а оно уже, по определению, светло и свято?

Именно эта странная тенденция, эта странная особенность памяти моего поколения и дала мне стимул к написанию цикла. Мои воспоминания отрывочны, я родилась аж в начале восьмидесятых, но приписывать лишние детали и смыслы увиденному не стану. Все как помню, все как есть.

Взмах руками, и тело распрямляется. Мой первый заплыв на глубину. Такая вот, взрослая. Сильнее, сильнее – и полный восторг. Я – героиня приключенческого романа (или эпоса Толкиена, сколько тогда

за лето было прочитано!) – плыву сквозь волны и буран спасать... кого? Еще не придумала. Рядом выныривает мама. Пора на берег, на солнышко.

Бетонная стена пляжа. Неизвестный художник краской, под уголь черной, нарисовал красавицу лошадь. Зимой, наверно, потому что рядом поздравление: «С Новым 1990 годом!» Для меня лошадь живописна. Мы, фонтанские дети, тоже так хотим рисовать. На песке полно древесных угольков... Год последний безмятежный.

Я не помню, как мне было хорошо в восьмидесятые. Помню, что пластиковые пеналы с магнитиком имелись в классе только у очень богатых детей. У которых папы «плавали» (да, да, разделение на богатых и бедных в то, райское, время уже было, но особенно не афишировалось). Помню пустые прилавки и слипшиеся карамельки без обертки. Что все негодовали на раскидавшего по классу копченую колбасу мальчишку. Она ведь такой дефицит!!! Жевательную резинку, которую продавали бабульки-спекулянтки («спекулянтки» – произносилось шепотом и тоже неодобрительно). И на это сокровище с вкладышами «Дональд Дак» мы тратили всю свою «выручку», полученную на школьной ярмарке. Но школа, ярмарки – вся суматоха – там, в городе. А настоящая моя жизнь была на даче, на Фонтане. Поэтому лучше помнится.

Частная инициатива, или Как мы продавали канистру

Детство особо не мучается противоречиями. Например: почему бабульки, покупающие жвачку у моряков и продающие ее нам, – спекулянтки, а оборотистым кооператором быть ой как круто? Почему в самой хорошей в мире стране обувь, в которой можно ходить, не покалевив ноги, приходится покупать только в комиссионке (как же теперь изменилось понятие «комиссионка»)? И почему бы нам самим не попробовать что-то продать ради кубика вожденной жвачки?

Два интеллигентных ребенка, потомки аристократов умственного труда, два малолетних шкета в шортах, я, «кожа да кости», и рыжая Влада ходили по гостям, по дачам в поисках чего бы продать. Продавать было откровенно нечего. Мои родители разводили руками, а соседи нас к себе почему-то больше не пускали. И даже Владу. Поэтому пришлось идти в гости к ней. Никого дома не было (мама работала целыми днями, воспитывая дочку одна). Порывшись в пыльных зарослях сада, моя подруга извлекла канистру. Пустую, почти даже не поцарапанную:

– О! Вещь, нужная в хозяйстве каждому! Вот увидишь, с руками оторвут. И бензин сюда наливать можно, и молоко, и воду.

Ноги мокрые, в грязи, измазанные пуза и мордахи – мы успели не только канистру отмыть, но и наесться «фрукты». Вид имели для продавцов самый представительный. Колотили в каждую калитку, лезли в каждые открытые ворота:

– Продаем канистру от бензина и для бензина.

– А с бензином не пробовали?

– Канистра новая!!! Совсем недорого!!!!

– Разве что даром я у вас ее возьму. Идет, девочки?

– Не-е-т.

И мы убежали в смущении. Неудобно «некать» взрослым.

Взрослые реагировали на нас странно. Многие потенциальные покупатели почему-то пытались узнать, есть ли у нас мама с папой и кормят ли они нас каждый день. И почему мы так одеты.

– Как так? – искренне удивлялись мы, аккуратно вытирая замызганные грязью, мокрые ладошки о шорты.

Участливая печальная женщина насильно пыталась впихнуть в нас бутерброды. Убежали.

– Знаешь что, – в коммерческих делах рыжая Влада для меня была просто асом. – Тут они странные какие-то. Из-за жары, что ли, думать совсем не хотят. Не продадим. Нужно встать на въезде в кооператив. На большой дороге. Там обязательно купят.

Мы устроились ждать. Покатались на железных воротах. Покормили щенков.

– Едет!! – с канистрой бросились наперерез:

– Дядя, купи!!!!

Новенькая черная «Волга» дернулась. Затормозила. Из окна к нам полетели деньги. Но мы не успокоились. Мы, как честные продавцы, запихивали канистру в окно. Еще и еще, пока не попали. Водитель все равно ее выкинул и прибавил скорость. Ну и ладно. Только не ясно: ему что, такая ценная вещь, как пустая канистра, не нужна? Для бензина, для молока, для воды наконец...

Шабаш

Конец восьмидесятых запомнился мне еще и каким-то невероятным праздником нечисти. На экранах официальная серость (точнее, черно-белость, цветные телевизоры есть не у всех), разбавленная шабашем силы народной: забастовками, голодовками, митингами «за» и «против». Помню кадры, как валили стену. Сияли прожекторы, и сыпалась пыль. Как выступал лысый дядька со страшным пятном на голове и смешной, по моим детским меркам, фамилией. И тут же – мы едем к родственникам смотреть вместе сеансы Кашпиоровского. Многие верили: «заряженная» водичка в баночках – панацея. Научные передачи. Уфология. А вчера сосед Иван Иванович сам видел НЛО над Живаховой горой. Уфологи предрекают скорую встречу с внеземной цивилизацией. Чувствуется затаенная лихорадочная надежда: вдруг именно инопланетяне заберут нас, когда рухнет самая великая страна. Взрослые шепотом передают друг другу истории о барабашках и полтергейстах. Взрослые хотят сказок. Мы даже представить себе не можем, как боятся они!

У нас свой эпос. «Бегут, бегут по стенке зеленые глазки» – не послушалась девочка (по-видимому, главная мораль всей этой истории), включила пластинку, и мама пришла домой без ноги. Мне уже тогда интересно было, легко ли маме одной ногой домой шагало. Глазки зеленые, рука черная, зубы красные – но самым страшным среди этого экспрессионизма был человек с головой свиньи. Он заглядывал по ночам в окна и воровал детей. Поэтому окна должны быть вечером зашторены ОБЯЗАТЕЛЬНО. А однажды я видела это чудовище нарисованным в газете. Что мою веру в него окончательно утвердило. Стол. За столом существа в костюмах с галстуками: Человек-медведь, Человек-журавль и... Человек-свинья. Перед ними торт с надписью СССР. Его делят. Добрый папа этой газетой заклеил окно в коридоре. Пробежала мимо, зажмурив глаза.

Ночные дачные аллеи бесконечны. Тоннели в нависшей арками черной листве. Что там, в конце темноты – страшно представить. Наша детская стайка отделилась от взрослых. Но они неподалеку. Бдят.

Здрав ногу в стоптанном сандалете (поза челоуёнка, осознающего свое превосходство над слушателями):

– А потом черная рука летала по городу и хватала всех за носы...

– А я... я по телевизору фильм смотрел. Там Фантомас зеленый такой и почти без носа. Страшный. Инопланетянин...

– О, и я тоже видел! А еще про Бэтмена по видику.

– Расскажи!

Фантомасы зеленые поджидали нас в каждой зыбучей тени. Бэтмен-мститель кленовым листом, ночной бабочкой, толстой и противной, никак не прикается. Отблескивал по бабочкам и листьям фонарный свет.

– Говорят, что в тупике ходит Черная женщина.

– Врешь.

– Нет.

– Врешь!

– Нет!

– Врешь!

– Иди сам посмотри!

– Не пойду! Сам иди!

– Не пойду.

– Трус.

– Сам ты трус.

– Спорим, не пойдешь?

– А вот и пойду.

– Иди, иди, – уже вдогонку. Сами идем следом. Шуршит ветер. Из кустов вылезает бродячий кот.

В конце аллеи фонарей нет. Осталось завернуть за угол и – тупик. Вход в него – черная глазница. Там ждет оно. Больше, чем женщина. Страшней, чем темнота.

– Трус-боягуз! Чего не заходишь?! – эта реплика лишь предлог, чтобы сбиться в кучку. Прижаться друг к другу щенятами и заглянуть вместе в черный лаз. Вдруг... визг! ОНА!

– Мы ее почти видели!

Подбегают родители.

– Мамочка, мама, там Черная женщина!

– Мама, она голая сидит. Я сама видела!

– А я услышал, как она плачет.

– Ой! И что? Она нас теперь найдет? Будет к нам приходиться?

Кто-то из родителей остался с нами стоять на аллее. Кто-то нырнул в тупик. Помню, нас быстро разогнали по домам. А значит, да! Черная женщина действительно там! С чего бы родители так испугались?

Они звонили в милицию. Носили в тупик какие-то куртки и нашатырь.

О правде мы догадались гораздо позже.

Милая барышня и гость из параллельных миров

Велосипед – роскошь. Советских велосипедных марок всего лишь три или четыре. Как же взрослому элегантен тонкоколесый «Салют»! Но «Аист» надежней. Диво – Юлькин. Немецкий трофейный чужак всё еще держится молодцом. Ездить, правда, на нем тяжело – рама.

«Казачи-разбойники» на двух колесах по аллеям и переулкам – наша любимая игра. Запущаю, заплутаю, выскользну – не найдешь, а найдешь – так не догонишь! Только, чур! – за калитками не прятаться. Могу рулить одной рукой. Могу вообще без рук (минуту).

Далеко я в тот день от моих преследователей, «казаков», оторвалась. Сбавляю ход. Косые солнечные лучи, пустая аллея. Длинная тень голоногой девочки-подростка на велике то растягивается, то урезается придорожными кустами. Почти слышно, как дробится она на кривые полосы по дощатым заборам. Щелкает велосипедная цепь. Больше ни звука. Сиеста. Девочка – эй, малолетка! Девочка – боевой друг и товарищ с подранными коленями, лучше всех дерется на деревянных мечах, а на велосипеде, веришь, никто еще не догнал!

Откуда появился он? Непонятно. Вдруг, посреди дороги. Одет обычно. Средних лет. Лицо – через неделю не вспомнишь. От неожиданности притормозила. Он был растерян – наверно и поэтому. Ожидая обычного «Эй, девочка!» Или даже без вступительной части: «Не подскажешь ли...» Вдруг:

– Милая барышня, не будете ли так любезны мне подсказать, где находится центральное управление?

Ошарашенно тыкаю пальцем в сторону выбеленного одноэтажного домика.

– Благодарю, – так же, без малейшей иронии, без пошлого кокетства взрослого с ребенком.

Быстро, быстро, раскрасневшись, поворачиваю к своим:

– Там такой странный!!!

Все сразу же поехали смотреть на «странного». Но ни в управлении, ни на аллеях – никого. Везде – сиеста. Таких «странных» я больше не встречала.

Мои другие страны

Сообщение о том, что от Союза отделились прибалтийские республики, меня не тронуло. Сов-

сем. Так, если бы мне сообщили об отделении от Дании острова Гренландия или о революции в Антарктиде. Возможно, виной был мой полнейший националистический аутизм и отсутствие патриотического воспитания во дворе и школе (учителя уже и сами не знали, о чем проводить с нами внеклассные беседы). Причина, может, и в том, что моя родная Одесса обладает удивительным пищеварительным свойством: принять всё, перемешать, переварить и устаканить в своем беспросветном мещанстве (или выбросить, вытеснив слишком уж непоседливых личностей в другие страны и города). Лишь бы не морочили нам головы всякими неудобными вопросами.

Летом мы, толпа дачных детей, кочевали от дома к дому. От русских к евреям, от евреев к армянам, к русским немцам, к молдавским гагаузам. «Жизни учили» нас сообща, сообща прикармливали и придумывали нам игры. Угу, я заедала одесско-французское, сочащееся маслом сотэ постной мацой (у Полины мама из Иерусалима вернулась) и о национальных вопросах наивно не ведала. Для меня отделение Прибалтики означало только одно: в Друскининкай никогда больше не поедem. Откололась, улетела в космос частичка земли с длинным странным названием. Заграница для нас всех еще «тому свету» подобна, и связи с заграницным миром, потусторонним, почти нет.

А съездили с бабушкой мы тогда, в преддверье всесоюзной катастрофы, хорошо. Вначале был солнечный Вильнюс. Светлый и ажурный до того, что казался песочным городом. Иллюстрацией из книжки сказок. Старинная крепость на холме долго снилась игрушкой, детской игровой площадкой. С Вильнюсом связан и страх, смешанный с омерзением – впервые увидела распятие. Сочащиеся свежей краской раны Христовы. Под ребром особенно глубокая, с приторным блеском, цвета вишневого варенья. Кровавое варенье на руках Его, на желтом тощем животе. Мне больно, жаль распятого Христа и тошнит от этой псевдореалистичной приторности. Ревела, не могли понять отчего. Да разве такое словами выразишь? И даже поход в пузатую крепость-игрушку меня не утешил.

Еще одна картина, связанная с Вильнюсом: дочка маминной подруги (мы у них остановились перед поездкой в Друскининкай) защищает меня от детей во дворе. Я не понимаю, за что они на меня так взъелись. Не разберу ни слова, поэтому суть национальных претензий мной так и не познана.

Друскининкай запомнился темно-зеленым. Деревенский дом. Раннее утро. Хозяин весело со мной здороваются, продолжает что-то мастерить под самой крышей (он всегда дело себе находит). Я беру показать ему пойманного ежика. Разрешает

взять ежа в комнату – зверюге радуется не меньше моего. Стар и млад, мы – заправские друзья. Приехали питерцы – в доме лесной, грибной запах. Грибы жарятся, сушатся на веревках. Грибами набухли все ёмкости в доме. Кружевная веранда – белые перила. Запах натурального кофе и сосисок (пока еще не особенно соевых). Вкусовая ассоциация для Литвы найдена. Мы ходим обедать в кафе при каком-то санатории. Через город – чудо – настоящий ручей или речушка. Вокруг то ли парк, то ли ухоженный лес. На побережье сосны – будто нечесанные ведьмины волосы. Грязно как-то от полудельных стволов. В лесу домик-музей. Чучела старые – шкурки звериные пропахли сосновой смолой.

Бабушка перед прогулками всегда просит меня молчать. Почему? Опасно. Вот и все объяснения. Но тут же происходит казус. На одной из прогулок некий литовский старичок принимает нас, белокожих блондинок, за истинных... (зачеркнуто) ... патриотов. Начинает вещать что-то о своем, свежеполитическом, наболевшем. Бабушка кивает, не проронив ни звука. Была бы постарше, я задала бы старичку один вопрос: как дедуля относится к тому, что разговаривает он не с почтенной элегантной дамой, наделенной не менее почтенной фамилией на «ене», а с Розой Петровной из Одессы. Названной в честь Розы Люксембург моим прадедом, коммунистом-идеалистом. Я бы рискнула. Уж очень любопытно на реакцию посмотреть.

Но чаще встречались другие люди. Которые нам, малознакомым, помогли купить дефицитную школьную форму, заметив, что неместным товар не отпускают. Которые разговаривали с нами без претензий, будто именно мы, бабушка с внучкой, верхом на танке в тридцать девятом въехали присоединять прибалтийские страны к Союзу. Да, какие бы страшилки ни придумывали посапывающие в диванный пуфик патриоты и какой бы сюр ни преподавали детям вместо истории, нормальных людей было и будет (автор сплевывает через плечо) большинство. И никакие гении политического чистогана, никакие режимы с этим не справятся.

Затем за окнами был Вильнюс дождливый. Потопки воды, град по стеклам. Сырая комната в гостинице, игрушки в пустой детской кроватке – казенный, заезжий уют. Я чувствовала, что сюда навряд ли уже вернусь. От моего материка отломилась ледяная глыба. Загудело – ахнуло и замолчало.

А насчет национального вопроса меня просветили. И не где-нибудь в Литве, а в родной Украине. В 1991 году. Разве в нашей стране можно не впасть в иронию?

Прыжок через Стикс

Одна и та же музыкальная фраза по двадцать раз. Разгон – срыв. Молчок. Теперь сердитым аллюром и через препятствие. Всадник – рука пианиста сорвалась. Упала, уставшая, с клавиатуры. Опять рывок. Молчок. И наконец-то победное, закрепляющее. Выполнено. Осталось сыграть от начала и до конца.

За окном пыльные цветы. Солнцем распаленным пахнут, и железом зеленой калитки, и пыль, и стены дома. Но самого солнца нет. Угомонилось.

После пляжа притихли дети. Взрослым – чай с мятой. А звуки фортепиано единственные вострепнулись в затянувшейся до заката сиесте. Мотылек на паутине эти звуки. Тогда и сейчас – дача, море, игра на фортепиано по соседству – совпало, вспомнилось.

В конце восьмидесятых уезжают близкие нам люди. Сообщают об отъезде всегда неожиданно, примерно за месяц – «эмигрируем». Вначале мы свыкаемся с этим фактом, затем наступает сам момент прощания. Мы торжественно приходим в гости. Нам (не менее торжественно, как будто совершая ритуал) на память дарят какие-то книги, вещи, вазочки, цветочные вазончики... Не столько сами вещи отдают, сколько обрывки каких-то своих воспоминаний. Им кажется, если мы возьмем что-то из их утвари, связь не прервется. Какая-то толика души останется здесь, дома. Понимаем, что уезжать им не менее тяжело, чем нам осиротиться на еще одну родственную душу. Распределив мебель и скатерти, отъезжающие, глядя на пустые комнаты, пытаются себя успокоить. Заклинают языческого бога Авось: «Говорят, что там хорошо» – в мире ином, заграничном, лучшем – «Раз обратно не едут – наверно. Вот, проводили. Весточки ждем».

Из других стран шлют затем они нам узкие конверты. Сине-красный орнамент по краям, тончайшая бумага. Дальше – письма реже. И мы, и они постепенно учимся жить друг без друга.

Сейчас, конечно, проще. Были бы деньги на дорогу. Есть Интернет и скайп с видеокамерой, как дешевая альтернатива билетам. А тогда – письма с неряшливо состыкованными кружочками почтового штемпеля на язычке конверта (блестители государственного порядка даже не утруждали себя аккуратным заклеиванием конверта после прочтения) и неизвестность. Прыжок через Стикс – массовая эмиграция восьмидесятых в страны, где никто не ждет, из страны, в которую не вернуться.

Полупустая комната в коммуналке. Вещи уже упакованы. Уезжают бывшие соседи, а теперь – друзья. Внучка Фаина учится в музыкальной школе.

Мы с ней почти ровесницы. Я на тот момент о музыке мечтаю. Учителя сказали, что слух есть. Я даже разучила какую-то пьесу, чем горда. Фаину стесняюсь, не представляя, о чем с ней говорить. Бабушка Фаины очень переживает, что жить придется в пустыне (какой там климат, ой!). От смущения ляпаю:

– Ничего, зато там индейцы есть! – Индейцы из приключенческих книжек еще одна моя страсть. И живут они все за туманной за границей. Жить с индейцами даже в пустыне – уже хорошо.

– Мы едем в Израиль, – резонно поправляет меня Фаина. – Там индейцев нет.

– Ну, там тоже какие-то быть должны, – я неисправимая оптимистка. Зачем же ехать, если там их нет совсем?

Мне дарят книгу о бароне Мюнхгаузене и старинный театральный веер.

Темная комната моей квартиры. Свет из коридора отражается в зеркалах стенки «Жемчужина». Я в полумраке сочиняю новые главы приключений шепотного барона. Веер поблескивает лаком и фальшивой позолотой. Начинается театр...

Гораздо позже, в конце девяностых, начинается новая волна эмиграции. Вместо этюдов Черни – Шопен, Лист, Шуберт. «Крейслериана» Шумана. «Житейские воззрения кота Мурра» вместо Купера. Расставаться куда больней, но уже есть шанс встретиться. Границы открыты.

Дача, море, звуки фортепиано – семилетнюю тетушку моей двухлетней дочки каждый год родители привозят на родину. Вместо мутного Стикса живая вода.

Мы слушаем радио и смотрим балет

А в девяносто первом произошел слом. С чего началось – не помню. Наверно, со слухов. То один, то другой, то друзья, то соседи приходили к нам давать советы. Говорили одно и то же: «Спички запасайте, мыло и консервы. Ой, будет война гражданская! Ой, будет кошмар!» Наши запасов хватило на все голодные девяностые.

На даче старый телевизор. Из тех еще, что стояли на круглых черных ножках на полу. Радио с самодельной антенной из проволоочки. Они то ловят сигнал, то нет. Пару ударов по крышке телевизора, и, возможно, сегодня удастся посмотреть «Мэппет-шоу» или «Шерлока Холмса». Теперь и радио, и телевизор включены целый день.

Зачастую герои романов о революции выглядят довольно-таки всезнаесто. Как будто бы каждая пешка знает заранее общую картину игры и партия эта уже подробно и четко прописана в школь-

ном учебнике. В Одессе, сидя за городом на даче, мы, если честно, совсем уж смутно представляли себе, что происходит и чем эта неразбериха закончится. Быть войне или обойдется? Если развалится Союз, так к кому нас присоединят? Кто мы теперь? Под чьей защитой?

Вокруг тишина, мнимое безвременье. А там, в Москве, люди вышли на улицы. Перенимаешь, будто зверек, нервное напряжение взрослых. Сама тоже поневоле начинаешь тосковать о покое. Дальше, чувствуешь, бездонная дыра. Что будет? Первое осознание фразы: «А вдруг никогда...»

Радио передавало противоречивые сведения. Телевизор паялся бельмом бесконечного «Лебединого озера». Удавалось уловить обрывки, слухи: «Горбачев на даче», «его убили», «нет, он жив», «похищение... как так?» Путчисты. Застрелился Пуго. Новая круговерть слухов: «Застрелили?» Вдруг информационные каналы прорвало. Время ускорило. Мы не успевали следить: «Беловежская пуща», «договор о создании СНГ». Независимость всех от всех (обязательств, наверно). У нас провели референдум. Большинство жителей СССР проголосовало «за» не из-за внезапно возникшего националистического восторга, а лишь бы побыстрее развязаться с этой неразберихой в Москве. Вдруг дело дойдет до штыков.

Я тогда написала первое свое произведение. Что-то вроде басни. В чем мораль – не помню. Запомнилась только фраза: «пришел хитрый, толстый кот Кравчук» (первый президент нашей, Независимой). Хозяйка дачи, у которой мы домик снимали, шутила:

– Да тебя за такое в 30-е расстреляли бы!

Вот таким вышло мое детское невольное диссидентство.

– Неужели меня можно у мамы запросто забрать и повести расстреливать?

– Расстреливали даже за подобранный в поле колосок, деточка, – вещает добрая хозяйка, пока мы смотрим по телевизору фильм о Мэри Поппинс. Задумываюсь о том, как мы постоянно обижаем соседские фруктовые деревья.

В девяносто первом я перехожу из начальных классов в средние. Вместо привычного портрета «дедушки» Ленина над классной доской «рушники». Старые ритуалы – новая идеология. Я так хотела быть пионером, даже училась повязывать галстук, но не успела всего лишь на год.

Постепенно ПУТЧ стал прошлым. Страну пропутчило, грязь в стакане осела на дно. Началась другая, совсем уж новейшая история. «Лихие 90-е», куда более гаденькие и циничные, чем августовская революция.

* * *

Море – серебристо-желтый питон, неторопливо перебирающий мускулами волн под прохладной кожей. Волны обволакут, измельчат, перевалят и выкинут обратно все, что удалось змеиным броском захватить на берегу. Превратят бутылочные стекла в отшлифованные драгоценные камни, а остатки колонн древнегреческих храмов в белесую гальку. Все сто раз поменяется, все сто раз вернется. Все не то, чем казалось тогда, и не так, как сейчас видится.

Лежать на спине и слушать... Шелестит песок на самом дне.

□

Анастасия ЯКОВЛЕВА-ПОМОГАЕВА

родилась в Одессе в 1982 году.

Окончила училище искусств и культуры им К.Ф.Данькевича, затем философский факультет

Одесского национального университета им. Мечникова.

Работала редактором в журнале «Родник», журналистом.

В 2005 году стала лауреатом международного конкурса Союза писателей России «Золотое перо Руси» в Москве (номинация «Проза»).

Участник VII форума молодых писателей (Москва).

Произведения были опубликованы в интернет-журнале «Пролог», в журналах «Меценат и мир», «Ренессанс», журнале «Новая реальность», «Наше поколение» и других.

В 2010 году стихи вошли в антологию русской поэзии в Германии «Поэзия третьего тысячелетия».

